

18+

СЕГА САШИН

18+

ОН —
ЕЕ СПАСЕНИЕ.

ОНА —
ЕГО СЛАБОСТЬ.

ГИПОФИЗ

ТЁМНАЯ РОМАНТИКА

СЕМЬ МЕСЯЦЕВ.
ЧТОБЫ ПЕРЕДАТЬ ДАР.
ОДНА НОЧЬ.
ЧТОБЫ ПОТЕРЯТЬ СЕРДЦЕ.

Сега Сашин

Гипофиз. Тёмная романтика

«Издательские решения»

Сашин С.

Гипофиз. Тёмная романтика / С. Сашин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Лара — кикимора в современной Москве. Три года назад она продала душу болоту за красоту. Теперь она питается гипофизом — центром человеческих мечтаний. Осталось семь месяцев, чтобы найти ученика, иначе проклятие разорвёт её. Ян — программист, который не чувствует ничего после автокатастрофы. Магия на него не действует. Он — идеальный кандидат. Чтобы спастись, Лара должна соблазнить его и передать дар через близость. Но сможет ли она украсть мечты того, кого начала любить? 18+.

© Сашин С.

© Издательские решения

Содержание

ГИПОФИЗ	6
ПРОЛОГ. Та, что вышла из трясины	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БОЛОТО ПРОСЫПАЕТСЯ	11
Глава 1. Клуб «Тень»	11
Глава 2. «Пустота»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Гипофиз Тёмная романтика

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3640-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГИПОФИЗ

Тёмная романтика

18+

В тексте есть сцены сексуального характера, психологического давления, насилия, элементы хоррора, употребление алкоголя и ненормативная лексика в диалогах персонажей.

Книга предназначена только для читателей старше 18 лет.

Это тёмная романтика: здесь любовь не отменяет боли, а красота не спасает от цены, которую за неё приходится платить.

ПРОЛОГ. Та, что вышла из трясины

Три года и пять месяцев назад. Декабрь. Городская больница, палата онкологии.

Запах здесь был особенным: не больничная хлорка и перекись, а умирание — сладковатое, тягучее, как испорченный мёд. Лара ненавидела его: он ударял в нос и оседал на языке металлическим привкусом.

Она сидела на жёстком пластиковом стуле у кровати матери и смотрела на её руки. Когда-то эти руки собирали яблоки в саду, лепили пельмени, гладили Лару по голове перед сном. Теперь они были прозрачными, как папиросная бумага, с синими нитями вен, которые просвечивали сквозь кожу, напоминая карту незнакомой реки.

— Не смотри на них, — тихо сказала мать, перехватив взгляд дочери. Голос был слабым, но в нём всё ещё теплилась та самая мамина нотка, от которой у Лары всегда щипало в носу.

— Они красивые, — соврала Лара, сжимая ледяные пальцы.

Мать слабо улыбнулась. Раньше, год назад, она смеялась громко, запрокидывая голову, так что эхо разносилось по всей квартире. Теперь даже улыбка стоила ей усилий.

— Лар, — мать закашлялась, прижала к губам салфетку. На белой ткани осталось розовое пятно — не кровь даже, а какой-то водянистый след, будто организм уже отказывался вырабатывать красные тельца. — Ты должна кое-что запомнить.

— Мам, не говори глупости. Ты поправишься, врач сказал...

— Врач врёт, чтобы я не теряла надежду. А я не хочу врать тебе. Никогда больше не хочу врать.

Лара сжала её пальцы сильнее.

— Я слушаю.

— Ты вырастешь красивой. Я знаю. Даже сейчас, в шестнадцать, ты краше любой фото-модели. И ты будешь сталкиваться с искушениями. С такими, о которых другие девочки даже не догадываются.

— Какими?

Мать посмотрела на окно. За мутным стеклом валил снег, закрывая серое зимнее небо. Больничный двор внизу был пуст — только чьи-то одинокие следы вели от крыльца к воротам.

— В нашем роду была одна женщина. Давно, в девятнадцатом веке. Её звали Агафья. Она была знахаркой. И однажды она спасла жизнь... существу. Не человеку. Твари из болота.

— Мам, ты бредишь.

— Может быть, — мать не обиделась. Глаза у неё были ясными, даже слишком ясными для умирающей. — Но слушай дальше. Та тварь поблагодарила Агафью. Поцеловала её. И с тех пор в нашем роду по женской линии спит проклятие. Оно просыпается только в момент страшного отчаяния, когда девочке кажется, что весь мир против неё. И тогда она может попросить силу: красоту, власть, желание быть нужной. Но у любой силы есть срок и цена.

— И что за это будет? — Лара уже не улыбалась. Внутри что-то ёкнуло — не страх, а странное узнавание, будто она уже слышала эту историю во сне.

— Первые три года она будет кормить тварь чужими желаниями и своей жизнью. Потом ей дадут ещё год — найти наследницу и передать проклятие дальше. Женщина продолжит линию. Мужчина может принять дар только как тупик: он не родит новую кикимору, не передаст цепь дальше. Дар будет медленно выгорать в нём, пока не погаснет. Если он выживет. А если не передать никому... она исчезнет. Растворится. Станет частью болота. Без имени, без тела, только голосом в трясине.

— Мам, это сказки.

— Конечно, сказки, — мать снова улыбнулась, на этот раз устало. — Но если однажды ты услышишь голос из трясины — не отвечай. Что бы он ни обещал. Красота не стоит того, чтобы перестать быть человеком.

Она закашлялась снова, сильнее. Прибежала медсестра. Лару вывели из палаты.

В коридоре тянуло лекарствами и смертью. Лара прислонилась к холодной стене и закрыла глаза.

Сказки, — подумала она. — Просто сказки.

Но внутри уже поселился холодок. Тот самый, что приходит перед бурей.

Мать умерла через три дня.

Лара не плакала на похоронах. Она смотрела, как гроб уходит в мёрзлую землю под тихий снег, и чувствовала, будто из неё вынули что-то важное и даже не зашили рану.

Отец стоял рядом, пьяный в стельку, и молчал. Последние пять лет он пил, кричал, иногда бил мать, но после её смерти потерял последнюю нить, что держала его в реальности.

Дома он напился окончательно. Бутылки водки, разбитая тарелка, запах перегара и чужой злобы.

— Вали отсюда, — сказал он, когда Лара попыталась убрать пустые бутылки со стола. — Вали. Ты на неё похожа. Лицо её, глаза её. Смотреть не могу.

— Папа...

— Я сказал — вали!

Он замахнулся, но не ударил. Остановился в сантиметре от её лица. Ногти грязные, рука трясётся. Глаза красные, как у зверя.

Лара смотрела на его трясущуюся руку, на его сжатые губы, на его ненависть, которая на самом деле была горем. И не испугалась.

— Хорошо, — сказала она спокойно. — Я уйду.

Она собрала рюкзак за пять минут: джинсы, две футболки, мамину фотографию в деревянной рамке, тысячу рублей из заначки (всё, что осталось после похорон). Взяла ключи (зачем? возвращаться некуда) и вышла.

На улице было минус двенадцать. Снег скрипел под ногами, как битое стекло.

Парк «Берёзовая роща». 02:17 ночи.

Она пришла сюда почти бессознательно. Ноги сами принесли, будто знали дорогу. В этом парке они гуляли с мамой, когда Лара была маленькой. Водили хороводы вокруг берёз, собирали букеты из кленовых листьев.

Здесь когда-то было озеро. В девяностые его засыпали строительным мусором, но в центре парка всё равно оставалась влажная впадина с чёрной жижей. Болото — засыпанное, но живое.

Лара села на ржавую скамейку, обхватила колени руками.

Куртка была тонкая, осенняя, на молнии, которая не застёгивалась до конца. Она пожалела, что не взяла мамино пальто — но оно всё ещё пахло больницей, и этот запах она хотела забыть.

Холод пробирал до костей — залезал под кожу, впивался в мышцы, сворачивался колючим клубком где-то в груди.

— Что я делаю? — прошептала она в темноту. — Зачем я послушалась?

Парк был пуст. Фонари не горели — их разбили ещё в прошлом году. Луна цеплялась за голые ветки и резала снег чёрными полосами.

Лара сидела и мёрзла.

Час. Два.

К трём часам её перестало трясти. Тело начало отключать периферию — руки, ноги, пальцы, — спасая жизненно важные органы. Пальцы на ногах она уже не чувствовала. На руках — тоже. Только сердце билось где-то в горле, отсчитывая последние минуты.

— Я умру здесь, — сказала она вслух. Голос прозвучал чужой, будто не её, будто кто-то другой сидел на этой скамейке и констатировал факт. — Замёрзну. Никто не найдёт до весны. Снегом засыплет, весной растает, охотники найдут кости.

И тогда она услышала шёпот.

Не ветер. Не ветки. Не собачий лай где-то далеко. Что-то другое. Что-то, что шло из земли, из-под скамейки, из той самой чёрной жижи, которая когда-то была озером.

«Девочка...»

Лара вздрогнула. Хотела вскочить — но ноги не слушались. Затекли, одеревенели, превратились в чурбаки.

— Кто здесь?

«Та, кому ты нужна. Та, кто исполнит твоё желание...»

Из-под снега потянулась рука. Нет, не рука. Отросток, похожий на корень столетнего дуба, но гибкий, как змея, живой, тёплый. Он скользнул по её ботинку, обвил лодыжку. Не холодный — горячий, почти обжигающий, как прикосновение к батарее.

— Не прикасайся! — Лара попыталась отбросить его свободной ногой, но мышцы не слушались. Холод парализовал их.

«Ты плакала. Плакала, когда умирала мама. Плакала, когда отец выгонял. Я слышала твои слёзы. Они пахли солью и отчаянием. Ты хочешь, чтобы тебя никогда не выгоняли, да? Хочешь быть красивой? Сильной? Желанной? Чтобы люди падали ниц, завидев тебя?»

— Да, — выдохнула Лара. Слова вырвались сами, не спросив разрешения. — Хочу. Очень хочу.

«Я дам тебе это. Красоту, которая заставит всех забыть, как дышать. Силу, которой позавидуют демоны. Власть, о которой короли прошлого не смели мечтать. Но за это ты отдашь мне три года жизни: будешь кормить меня чужими мечтами и своей кровью. После третьей зимы получишь ещё год на выбор наследника. Передашь дар — останешься человеком. Не передашь — станешь мной. Частью этого болота. Без имени. Без тела. Без памяти. Просто голосом в темноте».

— А если я не соглашусь?

«Тогда ты замёрзнешь здесь до утра. И никто не вспомнит твоего имени через год. Никто не придёт на твою могилу, потому что у тебя не будет могилы. Твои кости найдут весной — и некому будет их похоронить».

Лара закрыла глаза.

Перед ней пронеслись картинки: мамино лицо, улыбающееся, на последнем дне рождения; папина рука, занесённая для удара; пустой гроб, опускающийся в землю; её собственное отражение в мутном зеркале приёмной — бледное, заплаканное, жалкое. Девушка, которую никто не хотел.

— Я согласна, — сказала она.

«Открой рот».

Она открыла.

Из земли, из трещины в мёрзлой грязи, ударила струя чёрной жидкости — не вода, не нефть, не кровь. Что-то живое, древнее, голодное. Она влетела Ларе в горло, обожгла пищевод, растеклась по желудку жидким огнём.

Лара закричала.

То, что было внутри неё, ломалось. Кости трещали, перестраиваясь, становясь тоньше, изящнее, сильнее. Кожа горела, обновляясь, выбрасывая наружу старые клетки и порождая

новые — гладкие, бархатистые, светящиеся изнутри. Волосы удлинялись на глазах, становясь чернее ночи, тяжелее шёлка.

Она потеряла сознание.

Очнулась от света фар.

Какой-то таксист остановился на краю парка, видимо, решив справить нужду. Подошёл ближе, подсвечивая телефоном, и замер.

— Эй, девка, ты живая? — крикнул он.

Лара открыла глаза.

В мутном свете галогеновых ламп он увидел её лицо. Мужчина выронил телефон. Он смотрел на неё так, будто увидел привидение. Или ангела. Или что-то, чего не должно существовать в реальном мире.

— Ты... ты кто? — прошептал он.

Лара посмотрела на свои руки.

Раньше они были обычными — тонкие пальцы с обкусанными ногтями, царапины от кота, сухая кожа на костяшках. Теперь они казались выточенными из слоновой кости — длинные, аристократичные, безупречные. Кожа светилась в темноте.

Мужчина пятился назад, спотыкаясь о коряги, бормоча что-то нечленораздельное.

Лара встала.

Ей было тепло. Тот жуткий холод, который почти убил её, исчез. Внутри билась новая сила — горячая, живая, требовательная.

— Я Лара, — сказала она. — И больше меня никто не выгонит.

Она подошла к замерзшей луже на асфальте, наклонилась. В отражении, подсвеченном фарами такси, на неё смотрела чужая девушка.

Та же форма лица, но лучше. Те же глаза, но глубже, больше, выразительнее. Те же губы, но полнее, ярче, будто их только что целовали.

И зрачки. Вертикальные.

Как у змеи. Как у кошки перед прыжком. Как у той твари, что живёт в болоте тысячи лет.

— Красивая, — выдохнула Лара. — Я — красивая.

Она не знала тогда, что эта красота будет стоить ей трёх лет жизни. И ещё больше — человечности. Что она будет красть чужие мечты, плакать по ночам и ненавидеть себя за удовольствие, которое получает во время охоты.

Но сейчас, в эту минуту, она чувствовала только одно: победу.

Над отцом. Над смертью. Над всем миром, который хотел её сломать.

Лара улыбнулась своему отражению.

А болото за её спиной довольно заурчало, втягивая обратно свои корни-руки.

«Охота начинается, девочка», — прошептал голос в её голове. — «Ты не представляешь, какие вкусные мечты у людей. Сладкие. Сочные. И такие хрупкие».

Лара засмеялась.

Впервые за много месяцев — искренне.

Она была готова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БОЛОТО ПРОСЫПАЕТСЯ

Глава 1. Клуб «Тень»

Настоящее время. Москва. Пятница, 23:17.

Лара любила этот момент.

Миг, когда она входит в помещение — и разговоры сбиваются. Мужчины забывают последние слова фразы. Женщины поправляют волосы и злятся на себя за это. Даже бармены, выдавшие всякое, замирают, прежде чем спросить: «Что будешь?».

Это не было магией в прямом смысле. Ну, почти не было.

Дар, полученный три года назад у засыпанного болота, не сделал её куклой. Он усилил то, что уже было: острые скулы, тёмные глаза, губы без помады и тело, на котором взгляды задерживались против воли. Три года «питания» довели эту красоту до опасного предела — неестественного, почти запретного.

Чёрное платье держалось на одном обещании и двух тонких бретельках. Волосы падали ниже пояса тяжёлыми волнами. Шпильки были такими, что любая другая сломала бы ногу через пять минут; Лара шла в них легко, будто по ровной земле.

Через фейс-контроль клуба «Тень» она прошла без документа. Охранник с бритой головой и драконом на шее только выдохнул, посторонился и прошептал: «Проходите».

Внутри было душно и темно. В воздухе стояли деньги, пот и дешёвое счастье в виде сиропных коктейлей. Бас бил в солнечное сплетение; женский голос в колонках тянул что-то про боль, которая должна быть красивой.

Лара скользнула к барной стойке, которая тянулась вдоль всей стены, мерцающая подсветкой. За ней стоял бармен — парень лет двадцати пяти, с татуировками на пальцах («Love» и «Hate») и пирсингом в брови. Он уже тянулся за бутылкой текилы, не дожидаясь заказа. Рука слегка дрожала.

— Как обычно? — спросил он, но смотрел не на бутылку, а на её губы.

— Как обычно, — кивнула Лара.

Она не помнила, как его зовут. И не хотела помнить. Он был одним из многих, кто писал ей стихи в директ и плакал в туалете, когда она уходила с другим. Своих жертв Лара выбирала тщательнее.

Текила пришла — соль, лайм, крошечная рюмка.

Лара провела языком по солёному запястью, отпила и поморщилась не от вкуса, а от роли, которую играла. Горько. Остро. Ласково.

После сделки с болотом алкоголь почти перестал действовать. Лара пила не ради опьянения, а ради образа: красивая девушка у бара, текила, чужие взгляды, ожидание.

На самом деле она охотилась.

Плата пришла не сразу. Первые месяцы чужая сила держала её, как допинг. Потом дар напомнил: ничего не даётся бесплатно. Раз в две недели внутри появлялась тяга — не к еде, а к чужой мечте.

Срок подходил. Раздражительность, тонкий жар под кожей, обострённые чувства — всё возвращалось по расписанию.

Лара достала из клатча маленькое зеркальце — антикварное, в серебряной оправе с потускневшими от времени камнями, единственное, что осталось от матери, — и незаметно заглянула в него.

Всё в порядке. Кожа гладкая, без болотных пятен. Волосы блестят. Глаза... глаза сегодня карие, почти чёрные. Линзы сидят плотно, вертикальный зрачок не видно. Никто не догадается.

Сытая, — подумала она с облегчением. — Ещё три дня точно продержусь.

Она убрала зеркальце.

И тут же почувствовала добычу.

Сладковатый, с горчинкой: ваниль, озон после грозы и жажда. Не страх — именно жажда жизни, успеха, признания. Так пахнут люди, которые ещё верят, что мир у их ног.

Гипофиз.

Так болото называло не только железу размером с горошину, спрятанную глубоко в черепе. Любой врач рассмеялся бы Ларе в лицо: гипофиз не хранит мечты и не отвечает за талант. Но дару были безразличны учебники. Для него это был узел, через который тело сцеплялось с желанием жить: амбициями, жадой признания, упрямством, верой в своё будущее. Обычные люди не чувствуют его запаха. А Лара чувствовала за двадцать метров — сквозь десятки тел, духи, пот и дым электронных сигарет.

Она повернулась, не делая резких движений.

Он стоял у зеркальной колонны. Высокий, русоволосый, в тёмно-синем костюме, который не кричал о деньгах, а просто сидел безупречно. На запястье — дорогие часы; верхние пуговицы рубашки расстёгнуты, на груди — золотая цепочка с маленьким ключом.

Двадцать три — двадцать четыре, решила Лара. Деньги заработал сам и недавно: ещё не привык к ним, но уже начал верить в свою исключительность. Опасен уверенностью.

Он пил «Бурбон с вишней» — дорогой виски с копчёным льдом. Дорого. Вычурно. Картично.

Идеальная жертва.

Они встретились взглядами через весь зал — сквозь мельтешение тел, сквозь дым, сквозь музыку.

Лара не улыбнулась. Не сделала приглашающего жеста. Просто посмотрела — на секунду дольше, чем позволяют приличия — и медленно отвела глаза, сделав крошечный глоток текилы.

Наживка закинута.

Она знала технику. Первое правило охоты: никогда не показывай, что ты заинтересована. Пусть жертва думает, что это его идея.

Сорок семь секунд. Она знала, потому что считала про себя. Сорок семь секунд потребовалось ему, чтобы допить виски, поставить бокал на столик, поправить воротник и решиться.

— Ты здесь одна? — голос раздался прямо над ухом, горячее дыхание коснулось шеи, чуть ниже уха. Он наклонился так близко, что запах его парфюма — древесного, с нотками бергамота и кожи — смешался с её собственным.

Лара не вздрогнула. Она почувствовала его за три шага: лёгкая вибрация пола, смена воздуха, сладкая манящая нота чужого будущего.

— А ты умеешь считать до одного? — лениво спросила она, поворачиваясь на табурете так, чтобы свет упал на её лицо с выигрышной стороны.

Он не обиделся. Такие не обижаются: им слишком многое даётся легко — деньги, контракты, девушки. Они редко думают, что лёгкость иногда оплачена чужой болью.

— Стас, — представился он, протягивая руку ладонью вниз — жест уверенного в себе человека, привыкшего, что рукужимают первыми.

— Лара, — она вложила свои пальцы в его ладонь на две секунды дольше, чем нужно. Тёплые, сухие, уверенные. Ни капли пота. Спортзал три раза в неделю, правильное питание, персональный тренер, никаких вредных привычек, кроме, может быть, этой дурацкой вишни в виски.

Рукопожатие затянулось на миг дольше, чем требовал этикет. Стас не убирал руку.

— Ты танцуешь? — спросил он, наконец отпуская её ладонь, но не отводя взгляда.

— Если есть с кем.

Он улыбнулся. Улыбка у него была хорошая — искренняя, мальчишеская, с ямочками на щеках. Такие улыбки плохо сочетаются с деньгами и властью. Значит, он ещё не научился скрывать эмоции. Значит, он ещё живой.

Тем лучше, — подумала Лара с лёгким сожалением. — Чем больше он открыт, тем вкуснее его гипофиз.

Они танцевали два часа.

Почти не разговаривая, они двигались в такт музыке. Лара чувствовала его взгляд на спине, на шее, на линии кожи над платьем. Ей было приятно — не как охотнице, а как женщине. Он был красивым, чёрт возьми. И слишком живым.

Осторожнее, — одёрнула она себя, отстраняясь на секунду, чтобы сделать плоток воды. — Не влюбляйся в еду.

Но внутри проснулось другое желание — не хищное, не болотное, а человеческое. То, которое она старательно хоронила три года.

Она хотела его. Не как жертву — как мужчину. Впервые за долгое время ей захотелось просто лечь с кем-то в постель без охоты, без дара, без задней мысли. Просто — почувствовать себя женщиной.

— Хочешь, покажу «Тень» с другой стороны? — предложил Стас, когда музыка сменилась на медленную и он прижал её к себе чуть теснее, чем позволяли правила негласного этикета танцпола. Его рука лежала на её поясице, чуть ниже, чем следовало бы. — У меня свой столик на втором этаже. Вип-ложа. Там тихо, и видно весь зал.

Вот оно.

Классическая схема: напитки, танец, намёк, такси, его квартира или её — не важно. А наутро — его серое лицо, пустые глаза, отсутствующий взгляд и навсегда забытая мечта о чём-то великом. Спасать леса от пожаров. Получить Нобелевскую премию. Выиграть мир.

Лара поколебалась.

Совсем чуть-чуть. На долю секунды. Внутри что-то сопротивлялось — старая Лара, та, что умерла в шестнадцать лет на скамейке у болота.

И всё же болото перевесило.

— Показывай, — сказала она.

Вип-ложа. 01:30

Второй этаж был тише: чёрные портьеры глушили музыку, диваны тонули в велюре, свечи дрожали под стеклянными колпаками. Здесь меньше кричали и больше договаривались шёпотом.

Они сели на диван у окна — оттуда был виден весь первый этаж, танцпол, бар, мечущиеся в свете софитов тела.

— Как тебе? — спросил Стас, заказывая у подошедшего официанта (белая рубашка, бабочка, бесстрастное лицо) бутылку красного вина и фрукты.

— Ты часто сюда водишь девушек?

— Впервые.

— Врёшь.

— Проверь.

Он смотрел ей прямо в глаза — без игры, без желания понравиться, без привычной фальши. Просто смотрел. И Лара вдруг поняла, что не чувствует его насквозь.

С обычными людьми у неё получалось. Не магия — опыт: за три года она научилась читать жесты, мимику, паузы. Знала, кто врёт, кто хочет только секса, а кто готов полжизни отдать за одну ночь.

А Стаса она не читала.

Потому что он не играл. Он был открытым. И это пугало её больше, чем если бы он оказался маньяком или полицейским под прикрытием.

— Ладно, не врал, — сдалась Лара, откидываясь на спинку дивана. — Но всё равно удивил. Обычно парни с такими часами не водят девушек в вип-ложи. Они сразу предлагают поехать к ним.

— А ты не любишь, когда сразу предлагают?

— Не люблю мужчин, которые думают, что их деньги и часы — это и есть они сами. Без этого они никто. Пустота в дорогой обёртке.

Стас рассмеялся — громко, искренне, запрокидывая голову, обнажая шею с бьющимся кадыком.

— Чёрт, ты опасная.

— Ты даже не представляешь, насколько, — тихо сказала Лара, и её голос дрогнул на последнем слове.

Она сама не поняла, зачем это сказала. Зачем дразнит его, зачем предупреждает. Может, подсознательно хочет, чтобы он испугался и ушёл? Чтобы не пришлось делать то, что она делает каждые две недели? Чтобы не пришлось снова видеть пустые глаза утром?

Но Стас не испугался.

Он налил вина — темно-рубинового, густого, почти чёрного, с ароматом вишни и дуба — подвинул бокал к ней.

— Давай выпьем за опасных девушек, которые не ведутся на часы.

— Давай за мужчин, которые умеют слушать, — ответила Лара.

Они чокнулись. Звук был тонкий, хрустальный.

Вино было терпким, с долгим послевкусием. Хорошее. Лара не пила вино обычно — слишком много сахара, слишком быстро в кровь, слишком расслабляет. Но сегодня она позволила себе оба бокала, которые он налил.

Разговор завязался сам собой. О музыке, о книгах, о том, что в Москве стало невозможно дышать, и как было бы здорово уехать в горы на две недели, выключить телефон и забыть, что ты кому-то что-то должен. Стас рассказывал о своём проекте — нейросети, которая анализирует спутниковые снимки лесов и предсказывает пожары. Говорил увлечённо, с горящими глазами, размахивая руками, не замечая, что Лара смотрела не на его губы, а на то место, где под кожей скрывается та самая железа-горошина, от которой зависит всё.

Какая вкусная мечта, — подумала она, чувствуя, как внутри просыпается зверь. — Спасать мир. Благородно. И так питательно. Как сочный стейк после голодовки.

Зов ударил в солнечное сплетение — сначала тихо, потом большее.

— Поехали ко мне, — вдруг сказал Стас, перебивая сам себя на полуслове. — У меня вид на Москву-Сити. Потрясающий вид, особенно ночью. И холодильник полон еды — готовит домработница, я вообще готовить не умею.

— А я похожа на ту, что клюёт на вид из окна и холодильник? — усмехнулась Лара, хотя внутри всё сжалось.

— Нет, — честно ответил Стас, глядя ей прямо в глаза. — Ты похожа на ту, что клюёт на честность. Я сейчас сказал правду. Я хочу, чтобы ты поехала ко мне, потому что мне с тобой хорошо. Не из-за секса. Хотя секс, если честно, тоже хочется. Это будет первый секс за полгода. Но сначала — просто побыть рядом. Посмотреть на огни. Поговорить. Или молчать.

Лара молчала.

Она могла бы сейчас встать и уйти. Сказать, что устала, что завтра рано вставать, что они ещё увидятся, что она позвонит. Стас не стал бы настаивать — он был не из тех, кто бегают за девушками с цветами под окнами и забрасывает сообщениями.

Она должна была уйти.

Но она не ушла.

— Поехали, — сказала Лара, и эти два слова стоили ей больше, чем любые другие.

Пентхаус Стаса. 02:45

Квартира была собрана из денег.

Не старинными, музейными — новыми: кожа итальянских диванов, тёмное дерево, стереосистема ценой в автомобиль. Здесь жил человек, который уже не считал копейки, но ещё не научился тратить деньги со вкусом.

Лара окинула гостиную профессиональным взглядом хищника, привыкшего оценивать добычу по обстановке.

Кожаный диван. Дубовый стол. Ноутбук последней модели и стопка книг по машинному обучению. Бар с виски двадцатилетней выдержки. На стене — фотография Стаса с каким-то блогером-миллионником. Подпись: «Спасибо за тёплый приём!»

— Звездишь? — спросила Лара с лёгкой иронией.

— Только когда надо, — не смутился Стас. — Хочешь выпить чего-нибудь покрепче? Есть виски, ром, джин. Могу сделать мохито.

— Хочу тебя, — честно сказала Лара.

Она не врала.

Да, внутри ворочался зов, напоминая, что она здесь не просто так. Да, дар уже активировался — под линзами просыпался вертикальный зрачок, кончики пальцев покалывало от предвкушения. Но к этому примешивалось другое — давнее, почти забытое.

Желание.

Простое, человеческое, тёплое желание быть желанной. Не как жертва, не как охотница. Как женщина. Которая хочет мужчину. Которая устала быть хищницей и хочет быть просто собой.

— Я тоже тебя хочу, — сказал Стас, делая шаг к ней.

Он не спешил. Не набрасывался, не прижимал к стене, как делали другие. Просто подошёл, взял её лицо в ладони, заглянул в глаза.

— Можно тебя поцеловать?

— Если согласишься ещё раз — передумаю.

Он улыбнулся.

И поцеловал.

Мягко, не спеша. Его губы были тёплыми, с винным привкусом. Он целовал так, будто хотел запомнить её вкус, будто она была первой и единственной.

Лара ответила.

И в этот момент дар внутри неё забился, как птица в клетке. Он требовал: «Сейчас! Впусти его! Прикасайся! Бери своё!»

Но Лара сжала зубы до хруста.

Не сейчас. Потом. Я хочу просто целоваться. Как человек. Хотя бы пять минут.

Она отстранилась первой.

— Покажи мне спальню, — попросила она, глядя куда-то в сторону.

Спальня. 03:20

Кровать была огромной — королевского размера, с простынями из египетского хлопка и несколькими подушками разной жёсткости. Приглушённый свет — бра на стенах, диммер,

настроенный на тёплое свечение. На тумбочке — книга. Бумажная. Редкость в двадцать первом веке. «Искусство любить» Эриха Фромма.

Лара усмехнулась.

— Серьёзно? У тебя есть эта книга?

— Подарок бывшей, — признался Стас. — Не выбросил. Надеюсь, что когда-нибудь прочитаю.

— И прочитал?

— До середины. Дальше как-то не зашло. Слишком умно.

Он сел на край кровати, похлопал по простыне рядом.

— Иди сюда.

Лара подошла.

Не спеша. Не кокетливо — просто. Села рядом, сняла туфли, поставила их ровно у кровати.

— Ты нервничаешь, — заметил Стас.

— С чего ты взял?

— Ты скрестила руки на груди. Это закрытая поза. Люди так делают, когда защищаются.

Лара развела руки.

— Умный?

— Начитанный. Есть разница.

Она повернулась к нему, положила ладонь на его колено. Через тонкую ткань брюк чувствовалось тепло.

— Ты правда хочешь меня? Или просто хочешь секса?

— А это разные вещи?

— Для меня — разные.

Стас помолчал. Его лицо стало серьёзным, даже немного грустным.

— Я хочу тебя. Не просто секс. Я хочу проснуться завтра утром, увидеть твоё лицо на подушке и понять, что это был не сон. Что ты реальна.

Лара почувствовала, как что-то кольнуло в груди.

Стоп. Не надо. Не влюбляйся в еду.

Но было уже поздно.

Зов внутри смешался с нежностью, благодарностью и тоской по той жизни, где можно просто лечь с мужчиной в постель, не думая, что утром он забудет, зачем хотел спасти мир.

— Раздевай меня, — тихо сказала она.

Стас снял с неё платье медленно, почти благоговейно. Сначала бретельки — одна, вторая. Потом ткань поползла вниз, открывая плечи, грудь, живот. Лара стояла неподвижно, как статуя, позволяя ему смотреть.

Она знала, что он видит.

Не то тело, которое было три года назад — худое, угловатое, с синяками под глазами от недосыпа. Теперь это было тело богини. Идеальные пропорции, гладкая кожа без единого изъяна, грудь, которая не нуждалась в бюстгальтере, чтобы выглядеть упругой.

Проклятие сделало своё дело.

Стас выдохнул.

— Ты... нереальная.

— Я настоящая, — возразила Лара. — И сейчас ты это почувствуешь.

Она потянула его за руку, укладывая на кровать.

Никакой спешки. Никакой показной страсти. Только тишина, только шелест простыней, только их дыхание, сливающееся в один ритм.

Он целовал её живот. Грудь. Внутреннюю сторону бедра. Каждый раз, когда его губы касались её кожи, Лара чувствовала, как дар внутри неё вздрагивает, просыпается, готовится к прыжку.

Не сейчас, — приказывала она ему. — Дай мне хотя бы несколько минут быть человеком.

Когда он вошёл в неё, Лара закрыла глаза.

Ощущение было двойственным.

С одной стороны — чистое, нечеловеческое наслаждение от того, что её хотят. Что она желанна. Что этот красивый, успешный мужчина сходит по ней с ума и даже не подозревает, что его мечты сейчас начнут умирать.

С другой — тоска. Потому что она знала, чем это кончится.

Она подстроилась под его ритм. Каждое движение — соблазн. Каждый стон — приманка. Работала телом так, как учили три года голода и тысячелетия инстинктов, записанных в проклятии, переходящем из поколения в поколение кикимор.

Стас стонал её имя.

Она чувствовала его возбуждение, его предоргазменное состояние, когда удовольствие становится нестерпимым.

— Сейчас, — прошептала Лара ему в губы. — Сейчас.

Он кончил.

И в этот момент Лара взяла.

Открыла ту самую дверь в своём нёбе, которая появлялась только при полном контакте — не просто поцелуе, не просто прикосновении, а именно при проникновении и оргазме. Дверь, за которой таился её настоящий дар — не красота, не сила, а способность высасывать из человека его мечты.

Она потянула.

Как через соломинку.

То, что болото называло гипофизом Стаса, — не мясо, не кровь и даже не железа, а горячий узел его будущего: желание спасти леса от пожаров, гордость за стартап, тайная детская мечта получить Нобелевскую премию, — капнуло в неё одной сладкой, почти обжигающей каплей.

Лара задохнулась.

Наслаждение было сильнее любого оргазма, который она когда-либо испытывала с живым мужчиной. Потому что это был не просто оргазм. Это были чужие мечты, ставшие её силой.

Вкус успеха.

Вкус власти.

Вкус жизни, которую она украла.

Она лежала, тяжело дыша, чувствуя, как волосы становятся гуще, кожа — светится изнутри, губы — наливаются запретной вишнёвой кровью.

А Стас...

Стас лежал рядом и смотрел в потолок.

— Эй, — позвала Лара, касаясь его щеки.

— Ммм, — он моргнул. Его глаза всё ещё блестели, но внутри что-то погасло. Та самая искра, которая горела час назад в вип-ложе, когда он рассказывал про нейросеть и спутниковые снимки — съёжилась до размера спички.

— Ты как? — спросила Лара, хотя знала ответ.

— Хорошо, — сказал Стас. Помолчал. — Знаешь... я подумал. Может, не так уж и важно запускать этот проект? Рынок перенасыщен. Да и нейросети... они же не спасут мир по-настоящему, да?

Сердце Лары пропустило удар.

Она слышала эту фразу уже много раз. Разные мужчины, разные голоса, один и тот же смысл: «Мои мечты больше не имеют значения».

Она села на кровати, свесила ноги.

— Просто выдохни, — сказала она, не оборачиваясь. — Завтра будет легче.

— Ты уходишь? — в его голосе не было боли. Только недоумение.

— Да. Мне пора.

Она натянула платье, не глядя на него. Застегнула бретельки. Взяла туфли в руки — босиком по паркету, чтобы не шуметь.

— Лара, — позвал Стас.

Она обернулась.

— Ты прекрасна, — сказал он. И в его глазах не было ни капли страсти. Только усталое восхищение.

— Ты тоже, — соврала Лара.

И ушла.

Лифт. 04:48

Лара прислонилась к зеркальной стене, закрыла глаза.

Внутри всё горело. Не от сытости — от отвращения.

Она посмотрела на своё отражение. Красивая. Молодая. Сытая на двенадцать дней вперёд.

И пустота внутри — размером с чужое будущее, которое она только что украла.

— Зато меня не выгонят, — прошептала она своему отражению. — Теперь меня никто и никогда не выгонит.

Отражение кивнуло.

А потом на двери лифта, прямо поверх её лица, проступила надпись — будто написанная гнилой водой из того самого болота, где всё начиналось:

«Осталось 7 месяцев, Лара. Найди наследника. Или ты вернёшься к нам»

Она стёрла надпись пальцем — но зелёная слизь осталась на коже, впитываясь в поры.

Туфли оставили мокрые следы на паркете лобби.

Консьерж спал, уронив голову на пульт.

Лара вышла на улицу. Утро только начиналось — серое, московское, с запахом выхлопных газов и мокрого снега.

Она достала телефон, вызвала такси.

Перед тем как нажать кнопку заказа, Лара вдруг почувствовала другой запах — сухой, металлический, с привкусом серебра и старой крови. На противоположной стороне улицы стояли двое: высокий старик с клюкой и девушка с белыми волосами. Они не смотрели на неё. Или делали вид, что не смотрят. Лара моргнула — и их уже не было. Только запах остался на языке, как предупреждение.

Рядом с кнопкой «Заказать» горело уведомление от неизвестного номера:

«Ты убила Стаса. Не физически, но это хуже. Приходи в „Пустоту“ завтра в полдень.

Аня.»

Лара сжала телефон так, что экран треснул.

— Кто, чёрт возьми, такая Аня? — спросила она у пустоты.

Пустота не ответила.

Глава 2. «Пустота»

Суббота. 11:58

Офис «Пустоты» располагался в бывшей коммуналке на окраине Москвы, куда московское метро не доходило, а автобусы ходили раз в час по расписанию, которое никто не соблюдал. Район назывался «Камушки» — бетонные коробки девятиэтажек, облупившиеся скамейки, редкие фонари, мусорные баки, переполненные чужим хламом и чужими жизнями.

Лара приехала на такси — водитель, мужик лет пятидесяти с усами и золотым зубом, всю дорогу таращился на неё в зеркало заднего вида, но не сказал ни слова. Видимо, испугался. Или просто потерял дар речи при виде такой красоты в своей прокуренной машине с вонючим освежителем воздуха в форме ёлочки.

Дом был сталинской постройки, с облупившейся лепниной на фасаде — когда-то здесь жили профессора и партийные работники, теперь — алкаши, бомжи и те, кто не смог выбраться. Запах в подъезде стоял такой, что у Лары заслезились глаза — кошачья моча, перегар, жареные семечки и ещё что-то химическое, явно не предназначенное для употребления внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.